

ISSN 2226-0994

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ

ВІСНИК

*Харківського національного університету
імені В. Н. Каразіна*

№1012

Серія «Філософія. Філософські перипетії»

Заснована у 1965 р.

Випуск 46

Харків 2012

*Вісник містить статті, присвячені широкому колу філософських проблем.
Для викладачів філософських та культурологічних дисциплін, наукових співробітників, аспірантів,
студентів та усіх, хто цікавиться філософськими проблемами сучасності.*

Затверджено до друку рішенням Вченої ради Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (протокол № 7 від 25 травня 2012 р.)

Редакційна колегія:

Мамалуй Олександр Олександрович – доктор філософських наук, професор кафедри теоретичної і практичної філософії Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (відповідальний редактор);

Гусаченко Вадим Володимирович – доктор філософських наук, професор кафедри теоретичної і практичної філософії Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (відповідальний секретар);

Карпенко Іван Васильович – доктор філософських наук, професор, завідувач кафедри теоретичної і практичної філософії, декан філософського факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Корабльова Надія Степанівна – доктор філософських наук, професор кафедри теоретичної і практичної філософії Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Кривуля Олександр Михайлович – доктор філософських наук, професор кафедри теоретичної і практичної філософії Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Кулгаєва Марія Дмитрівна – доктор філософських наук, професор, завідувач кафедри філософії Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди;

Сазонов Микола Іванович – доктор філософських наук, професор кафедри політології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Шкода Володимир Васильович – доктор філософських наук, професор, завідувач кафедри соціології Мелітопольського державного педагогічного університету.

Адреса редакційної колегії:

61022, Харків, майдан Свободи, 6, к. 293

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Кафедра теоретичної і практичної філософії

т. (057)707-52-71, philosophy@univer.kharkov.ua

Статті прорецензовано

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 11825-696 ПР від 04.10.2006

© Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, оформлення, 2012.

<i>Перепелица О. Н.</i> ОБЩЕННАЯ МЕДИАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА.....	112
<i>Фунтусов Е. В.</i> ДАР И ЭКОНОМИЯ: КОНТУРЫ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ.....	121
<i>Кайдалов Д. С.</i> КОНЕЦ ТРУДА ИЛИ «КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ» ВСЕОБЩЕГО ТРУДА?.....	128
<i>Прятельчук А. О.</i> КАПІТАЛІЗМ: ПОЛІТИКО-ЕКОНОМІЧНЕ ТА СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКЕ ТЛУМАЧЕННЯ.....	133
<i>Льїн І. В.</i> ВЛАДА СПОЖИВАННЯ: УКРАЇНСЬКИЙ КОНТЕКСТ.....	139
<i>Авксентьев А. А., Самброс А. С.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕССЕНТИМЕНТА В УКРАИНСКОМ КОНТЕКСТЕ.....	148
<i>Беши А. А.</i> DAS DING КАК МЕТАФОРА ОБЪЕКТА «А»: РЕКУРСИВНОСТЬ И ТРАНСГРЕССИИ НАСЛАЖДЕНИЯ.....	155
<i>Лаптинова Ю. И.</i> ИНТЕРАКТАНТ В НЕДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНОСТИ.....	163
<i>Бабина С. И.</i> ЛИЦО И МАСКА В КОММУНИКАЦИИ.....	167
<i>Корабльова В. М.</i> ТРАНСФОРМАЦІЇ ТІЛЕСНОГО ЛАНДШАФТУ: ТІЛО-АВАТАР, ТІЛО-ІНТЕРФЕЙС І ШИЗОСУБ'ЄКТ.....	173
<i>Тесленко Ф. О.</i> СМИСЛОТВОРЕННЯ У ПОВСЯКДЕННОСТІ: ВІД ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО ГОРИЗОНТУ ДО КОНЦЕПЦІЇ ПЕРФОРМАТИВНОГО СЕРЕДОВИЩА.....	179
<i>Сухина И. Г.</i> ЦЕННОСТЬ И КУЛЬТУРА В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ РАКУРСЕ (ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АКСИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ).....	185
<i>Батаева Е. В.</i> ПОНЯТИЕ ОБРАЗА В КОНЦЕПЦИИ ИКОНОГРАФИИ.....	194
<i>Полякова О. А.</i> ДИОНИСИЙСКОЕ: СТАНОВЛЕНИЕ САКРАЛЬНОГО.....	199
<i>Дёмина Е. В.</i> РОМАНТИЧЕСКАЯ КИНОКОМЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ГЕНЕЗИС, НАРРАТИВНАЯ СТРУКТУРА И КОНВЕНЦИИ ЖАНРА.....	203
<i>Абашиник В. А.</i> ХАРЬКОВСКИЙ ПРОФЕССОР ФИЛОСОФИИ В. М. КАРИНСКИЙ (1874-193?).....	209

Наша теоретическая концептуализация субъектности строится на основе допущения, что около структур, определяющих поведение индивидов, существуют параструктурные, недискурсивные механизмы, воздействующие на саму структурность. Концепт децентрированной структуры постструктурализма дополняется понятием «недискурсивность», которое выражает не систематизированный, не упорядоченный, не структурный механизм организации социальных явлений.

Недискурсивность проявляется в нелингвистических семиотических практиках, покрывающих информативное пространство социума.

Медиумом недискурсивности является интерактант – участник нелингвистического семиотического обмена. В отличие от коммуниканта, участника коммуникации, интерактант не рефлексивен, а воспринимает. К таким основным характеристиками постструктуралистской модели субъекта как номинализм и децентрированность добавляется недискурсивность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации: [2-е изд.] / Э. Гидденс. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
3. Деррида Ж. Письмо и различие / Деррида Ж.; [пер. с французского под ред. В. Лапицкого]. – СПб.: Академический проект, 2000. – 430 с.
4. Дугин А. Г. Постфилософия 3. Постонтология: [электронный ресурс] / А. Г. Дугин. – Режим доступа: <http://www.platonizm.ru/book/export/html/117>.
5. Ильин И. П. Постмодернизм: Словарь терминов / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 2001. – 384 с.
6. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
7. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / [ред. Г. К. Косиков]. – Москва: Прогресс, 2000. – 536 с.
8. Культурология: краткий тематический словарь / [под ред. Драч Г. В., Матяш Т. П.]. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – 192 с.
9. Новая философская энциклопедия: [в 4 т.] / [под редакцией В. С. Стёпина]. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1-4. – 2816 с.

УДК 130.2

Бабина С. И.

Украинский государственный университет финансов и международной торговли (г. Киев)

ЛИЦО И МАСКА В КОММУНИКАЦИИ

В статье показано, что маска как особый образ присутствует в разных формах коммуникативных отношений. Понимание маски в реальной межличностной коммуникации сведено к знаковому средству невербальной сферы общения. Проведенный анализ позволяет утверждать, что в процессе социального взаимодействия лицо может восприниматься как маска, что существует возможность их взаимных превращений. Отдельно рассматривается коммуникативное пространство Интернета как широкое поле социокультурного взаимодействия, которое открывает для человека возможность «смены масок».

Ключевые слова: маска, лицо, коммуникация, Другой.

У статті показано, що маска як особливий образ присутня в різних формах комунікативних відносин. Розуміння маски в реальній міжособистісній комунікації зведено до знакового засобу невербальної сфери спілкування. Здійснений аналіз дозволяє стверджувати, що в процесі соціальної взаємодії обличчя може сприйматися як маска, що існує можливість їхніх взаємних перетворень. Окремо розглядається комунікативний простір Інтернету як широке поле соціокультурної взаємодії, що відкриває для людини можливість «зміни масок».

Ключові слова: маска, обличчя, комунікація, Інший.

The article shows the mask like the special image to be present in the different forms of the communicative relations. Understanding the mask in the real interpersonal communication is reduced to symbolic means of nonverbal communication areas. The conducted analysis allows to assert that the person can be perceived as a mask in the process of social interaction, that there is the ability of their mutual transformations. The communicative space of the Internet like the vast field of the social and cultural interaction is the subject of separate research, that opens the opportunity of the mask changing for the people.

Keywords: mask, face, communication, Another.

Рассмотрение «лица» и «маски» в коммуникации логично вписывается в «структуры жизненного мира» (Шюц А., Лукман Т.). Человек в жизненном мире выступает и как «актёр», и как «зритель»: он и сам действует, наблюдает, переживает в опыте и истолковывает телесные действия других, и «в ответ» другие истолковывают его действия. Наблюдаемые в жизненном мире телесные действия других людей указывают на смысл, который человек может и должен истолковывать, если хочет ориентироваться в жизненном мире. В жизненном мире существует специфическая область опыта самого себя, частью которого выступают переживания себя в повседневных социальных связях: в разнообразных ролевых аспектах [16, с. 41], а также в более ситуативных формах представленности своего Я – масках. Это обуславливает *актуальность* теоретического осмысления тех ситуаций, когда смена образов становится неотъемлемой составляющей коммуникативного взаимодействия.

Проблема социальной коммуникации в том или ином аспекте исследовалась многими авторами. Так феноменологические трактовки коммуникации даны в работах Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, А. Шюца и Т. Лукмана, П. Бергера, Э. Левинаса, Ж. Л. Нанси; экзистенциальный аспект коммуникации представлен в трудах К. Ясперса, Ж.П. Сартра, А. Камю; коммуникация как символический интеракционизм (Дж. Г. Мид, Т. Блумер); коммуникация как диалог (М. Бахтин, М. Бубер); теория «коммуникативного действия» (Ю. Хабермас и К.-О. Апель); герменевтические аспекты коммуникации (Г.-Г. Гадамер, П. Рикер), структуралистские и постструктуралистские теории коммуникации (К. Леви-Стросс, М. Фуко, Ж. Деррида) и др.

Проблема лица и маски актуализируется в работах Ж. Делёза и Ф. Гваттари, А. А. Грицанова, А. Ю. Исаевой, И. В. Кузина, В. О. Подороги, Г. П. Чмиль. Метафизический аспект рассмотрения лица и маски представлен у П. О. Флоренского.

Цель данной статьи – определить значение маски в социальной коммуникации и раскрыть тем самым новые аспекты понимания феномена «маски».

Быстрый темп жизни, множество исполняемых в обществе ролей включают человека в движущийся и постоянно меняющийся поток визуальной информации. Человек в коммуникации выражает себя не только вербально, но и телесно. Тело каждого человека для других выступает как богатое поле выражения, с которого «считывается» некая информация [там же, с. 448]. Человек знает, как нужно выглядеть в той или иной ситуации. «Направленность собственного поведения на ожидаемое толкование со стороны других есть основной предпосылкой коммуникативного действия» [16, с. 366]. В коммуникации тело может облекаться во «внешнюю» маску (одежда, грим, аксессуары и т.д.), а также может проявлять манерой поведения «внутреннюю» маску (жесты, мимика и т. д.). Эти маски превращают тело в искусственный знак. В ходе акта общения происходит обмен смыслами и знаками. Обмены этими знаками являются частью социальной жизни.

Особую роль в коммуникативных отношениях играет лицо. Именно к лицу в социуме обращено большинство социально значимых ожиданий. Социальная значимость лица определяется его выразительностью. Лицо Другого – «это мне принципиально недоступный универсум» [9, с. 115]. Даже с близкими людьми Я человека может пережить недоумение по поводу их недоступности. В межличностной коммуникации задачей индивида является видеть лицо Другого, что подразумевает умение увидеть все слои смыслов визуальных сообщений. Лицо, которое человек демонстрирует внешнему миру, не всегда бывает его истинным лицом. Считается, что мы можем показывать свои истинные чувства на лице или в поведении в редких, почти исключительных случаях. Вместо этого мы упражняемся в мимике и телодвижениях, которые бы их скрывали. По мнению З. Баумана, в современном мире человеческие контакты состоят из последовательного ряда встреч, в которых «личности заменены масками», а изменившаяся прагматика межличностных отношений пропитана сегодня духом

потребительства [1, с. 109-108]. Действительно, человек способен в борьбе за достижение своих целей скрывать свои непосредственные намерения. Для этого он может использовать разные способы, в том числе хитрость и обман. Именно такое использование хитрости с целью реализации собственных намерений, по мнению В. Хёсле имеется в виду, когда «стратегическое» противопоставляется «коммуникативному»: «В этом понимании стратегическим считается человек, который постоянно скрывает свои мысли, не разглашая и не высказывая их, а наоборот, постоянно говорит то, что противоречит его настоящим мыслям, то есть человек, который обманывает <...> обман паразитирует в той мере, в какой он выглядит правдой <...>» [3, с. 80, 83]. Человек может планировать и просчитывать своё поведение, менять не только одежду в зависимости от обстоятельств, но и стиль речи, и выражение лица.

Лицо живёт на поверхности во множестве проявлений, реакций и образов. Лицо постоянно меняется, являясь бесконечным потоком собственных эмоциональных проявлений. «Лицо являет наглядно совершаемые знаки неизменной природы человека и всего того, что осело на неизменное дно его существа, но вместе с тем оно меняется под воздействием переменчивых обстоятельств» [4, с. 5]. Именно лицо является той *выражающей поверхностью*, на которой можно наблюдать взаимопереход лица и маски, где переплетается внешнее и внутреннее, субъективное и объективное [см.: 13].

В процессе предъявления знаков на лице взгляду Другого можно предъявлять несуществующее или предъявить выборочно, стремясь к контролю или даже манипулированию впечатлениями Другого. «„Маска” нужна индивиду, чтобы создать *фиксированный образ своего Я* (в коммуникации с самим собой или с другими) и таким образом «маска» выступает как некоторый стабилизированный статический образ, скрывающий постоянно совершающиеся изменения самого Я человека [11, с. 23]. Таким образом, маска фиксирует определённый образ постоянно изменяющегося лица, и предъявляет его Другому в процессе социальной коммуникации. Так называемая маска как «образ» останавливает бесконечный процесс эмоциональных изменений лица, запечатлевая постоянно свершающиеся изменения самого Я человека. Её можно сравнить с устанавливаемой «границей», дистанцией, не допускающей к себе Другого. «Защита маски скрывает под собой открытость, превращая любое общение людей в общение масок, скрывающих под собой несокрытое» [8, с. 18].

Использование масок в коммуникации и с целью защиты (контролирование доступа в сферу личного), и с целью усиления выразительности индивидуального позволяет говорить о театрализации отношений. Подобное общение проходит как спектакль, участники которого управляют своим взаимодействием путём регулирования взаимного доступа к своей субъективности и благодаря маскам могут направлять коммуникацию и извлекать из ситуации максимальную выгоду.

Зачастую в процессе межличностной коммуникации используются приемы создания у других благоприятного впечатления о себе и коррекции неблагоприятного. При этом «лицо» лишь отчасти является образом своего Я, оно является ещё и тем образом, который по убеждению индивида, складывается о нём у окружающих. А окружающие в свою очередь при «плохом» качестве маски, могут назвать это лицемерием. У них может возникнуть сомнение относительно искренности демонстрируемого поведения, относительно меры искренности этого межличностного общения.

Маска как лицемерие часто противопоставляется правде, искренности лица. Лицо человека является источником его различия. Ещё Ф. Ницше отмечал в своих афоризмах: «Люди свободно лгут ртом, но рожа, которую они при этом корчат, всё-таки говорит правду» [10, с. 303]. Но не всегда эту «правду» можно рассмотреть, она мастерски маскируется. Часто доверие лицу вдруг сменяется его дискредитацией, происходит объявление прежнего «вполне лица» – «маской». В этой связи И. В. Кузин пишет: «Поразительно по своей ёмкости восклицание по поводу человека, которого вроде бы знал: „Так вот ты, какой на самом деле!” Человек был до некоторых пор одним, и вдруг предстал совсем в другом свете не тем, каков он был и каким, возможно, казался даже самому себе» [8, с. 189].

Возникает вопрос, касающийся критерия истины: кто может определять где человек подлинный, а где в маске? А также, насколько сам человек верит в реальность, которую он стремится вызвать у своего окружения? Определять, что есть маска, а что не является таковой, может, во-первых, Другой. В основе проявления маски лежат установки и ожидания Другого

относительно поведения индивида. Другой, воспринимая индивида, конструирует образ и выстраивает соответствие образу ожидания от индивида в жизненном мире. Если по ряду причин эти ожидания не сбываются, то именно Другой квалифицирует какие-то моменты (манеру поведения, интонацию голоса) как ложный образ и тогда индивид оказывается с позиции его представлений в маске.

Во-вторых, критерий истинности лица и неистинности маски может устанавливаться с позиции самого «носителя», т. е. того, кто «надевает» маску. В данном случае возможны следующие варианты. Первый вариант: только сам «носитель маски» знает, где он «настоящий», а где нет – где он играет. Однако, возможен и вариант, когда даже сам «носитель маски» точно не скажет где он в маске, а где нет, когда, заигрываясь, «игрок» полностью увлекается исполнением «роли» и не сомневается в том, что она и есть подлинная реальность. Т. е. он утрачивает контроль над мерой игры и тогда зыбкая грань между игрой и жизнью исчезает и происходит «срастание» с маской, «растворение» в маске. В ситуации, когда человек выдаёт кажущееся взамен подлинного, отмечает О. М. Фрейденберг, «правда или неправда не являются этическими категориями, они зрительные (визуальные), соотнесенные с видимым и скрытым, обнаруженным и спрятанным» [15, с. 39]. Речь идёт о чисто внешнем обмане, о неразличимости подлинника от копии. «В ходе непрерывного разыгрывания Я, действующие лица уже не в состоянии отличить одно от другого, иногда теряют себя, растворяясь в бесконечном круговороте, они не верят собственным глазам и собственной сущности, спрашивая себя “Где подлинное Я?”» [там же, с. 39].

Помимо традиционного «живого» общения «лицом к лицу» в реальных обстоятельствах, современные технические возможности Интернета позволяют сегодня общаться прямо в Сети, погружаясь в дискурс виртуальности. Коммуникативное пространство Интернета как широкое поле социокультурного взаимодействия открывает возможность «смены масок», оно сродни маскараду своим стремлением скрыть или идентифицировать себя. Особенностью этого общения есть возможность в электронном alter ego проявлять множественность своего Я, показывать себя с любой стороны (правдивой или фальшивой).

Мгновенная смена разных Я более всего проявляется при общении on-line в режиме реального времени. Виртуальное общение осуществляется исключительно с помощью вербального языка: в чате люди могут быть представлены друг другу только через тексты. «Благодаря Интернету вы есть тем, чем себя называете, поскольку именно на основе этого ожидания строится во времени сеть социального взаимодействия» [5, с. 130]. В результате использования сетевыми коммуникантами фиктивных имен, псевдонимов Я раскрывается как набор сюжетов, как набор масок, а сами манипуляции с именами и псевдонимами способствуют виртуализации Я. Адресат электронного сообщения появляется и исчезает в Интернет-пространстве под любым образом: виртуальной маской (выбранные по усмотрению имя, возраст, пол и т. д.). «Со-творение» своего виртуального образа – маски – происходит в режиме реального времени, на формирование мысли отводится 1-2 минуты. Автор сообщения создаёт о себе миф, который поддерживает определённое количество времени. Созданный образ в любой момент может быть изменен или уничтожен. Этому образу нет прототипа, это пустой знак.

В чатах действуют образы, но за каждым образом стоит реальный человек и рано или поздно каждый стремится пробиться к личности, стоящей за заинтересовавшей его маской. Тогда «карнавальным» характер общения замещается или дополняется общением с возможно реальным Я – в этом проявляется сущность феномена маски – его разнонаправленность на внутреннее и внешнее. Таким образом, Интернет в современной ситуации представляется весьма комфортным, безопасным, более или менее свободным пространством для апробации разнообразных стратегий межличностного поведения. Это создаёт возможность конструирования более гибкой концепции Я как набора ситуативно актуализируемых модусов Я.

Говоря об Интернете как особом коммуникативном поле выделяют ряд специфических условий общения, недоступных в актуальной реальности: добровольность контактов (пользователь добровольно завязывает контакты или уходит от них, также он может прервать их в любой момент времени); неограниченное количество выборов среди потенциальных коммуникантов, взаимодействие различных культурных слоев, приводящее к латентному

снятию культурных границ [2]. Добавим ещё возможность одновременного общения с несколькими адресатами, а также то, что в сетевом общении происходит снятие жёстких социальных барьеров. «Несмотря на то, что иногда пользователь имеет возможность получить некоторую информацию анкетного характера и даже фотографию собеседника, эти данные, тем не менее, не только недостаточны для более или менее адекватного восприятия адресата, но, более того, вообще не могут быть восприняты как истинные, т. к. зачастую наблюдается сокрытие или презентация заведомо ложных сведений. В качестве фильтра выступает категория маски, активно используемая участниками интернет-коммуникации» [там же]. «Маску надевают, чтобы скрыться, обрести анонимность, присвоить себе чужое, не своё обличье. Маска освобождает от соображений престижа, социальных условностей и обязанностей соответствовать ожиданиям окружающих» [7, с. 138].

Что же мешает людям реализовать свою коммуникативную потребность в реальной, несетевой жизни? Причин много. Прежде всего, в Сети круг общения человека значительно расширяется и возможность встречи с близким по духу человеком увеличивается на порядок. Кроме того, в ситуации анонимности (это и есть виртуальная маска) исчезают многие социальные барьеры в виде возраста, внешности, социального положения, манер поведения и т. п. А ведь именно они служат критериями, по которым мы даже неосознанно дистанцируемся от человека при самом первом, визуальном контакте. В виртуальном мире многих барьеров просто не существует. Понижение психологического и социального риска в связи с отсутствием внешних оценок приводит субъекта к раскрепощённости в общении. Широкие возможности Интернет-пространства предоставляют субъекту право на реализацию масок. В известном смысле субъект конституирует себя через продукцию рассказов о себе, при этом он всякий раз протеистически перестраивает свой «образ». «Семиотически такая ситуация может быть описана как запуск серии означающих при сомнительности означаемого, растворяющегося в этой свободной игре означающих» [2].

Распространение сетевой коммуникации обуславливается многими факторами. Во-первых, резкое увеличение числа социальных контактов на протяжении XX и начала XXI веков имело своим следствием обратную сторону. Всё более очевидным становится тот факт, что с увеличением количества коммуникативных «столкновений» качество межличностного общения ухудшается, в результате чего сужается поле возможности признания или непризнания другого, несмотря на то, что внешне это поле расширено до глобальных размеров. Снизилась «глубина» отношений между людьми, для «масочного мира» которых характерна зачастую *пустота* «внешне-показного». «<...> Все люди закрывают окно души маской из плоти <...> Было бы полезно объяснить людям без масок или, лучше сказать, с псевдомасками истинную сущность абстрактных человеческих отношений <...>» [6, с. 238, 276]. Мысли Кобо Абэ о господстве в современном обществе абстрактных отношений перекликаются со многими работами по психологии, социологии, философии, посвящёнными фрагментарности и поверхностности человеческих отношений.

Теоретик урбанистической культуры Р. Сеннет [12], исследуя особенности такого феномена как «публичность» и связанную с ней коммуникабельность, пришёл к заключению, что сегодня люди склонны оценивать всё с позиций своих частных интересов. Им отмечено, что для современной публичной жизни человека свойственна формальность и фальшивость. «Условность, – пишет Р. Сеннет, – сама по себе есть наиболее выразительное орудие публичной жизни, она служит, чтобы воспрепятствовать открытости человека человеку, является препятствием личностного самовыражения» [там же, с. 48]. В результате обитателями публичной сферы являются сплошь актёры и лицедеи, всегда выступающего под той или иной маской, общение превращается в псевдокоммуникацию, а самовыражение заменяется симуляцией самовыражения.

В описываемой А. Тоффлером ситуации «футуршока» «пустота» межличностных отношений, обусловлена их краткосрочностью и большим количеством. «Число людей, с которыми современный житель города вступает в контакт за неделю, – пишет А. Тоффлер, – превышает число тех, кого встречал феодальный крестьянин за год, причём сотни людей после одной-двух встреч должны исчезнуть в небытие» [14, с. 75-76]. Поэтому современный человек, вращаясь в очень скоротечном обществе, вынужден сокращать эти связи. По прогнозам А. Тоффлера, продолжающаяся урбанизация – это один из факторов, благодаря которым

общество движется по направлению к большей мимолетности, «трансценции» (быстротечности), хрупкости и непостоянству отношений [там же, с. 36, 37, 77]. Р. Сеннет характеризует современное публичное пространство как «мёртвое», так как кажущееся увеличение личного контакта в современном западном мире, выражающееся в структуре офисов, площадей и прочих публичных мест, в действительности говорит лишь об уменьшении желания людей общаться друг с другом [12, с. 9]. Общение превращается в псевдокоммуникацию. Самовыражение заменяется симуляцией самовыражения.

Современный человек живёт в динамично изменяющейся среде, он вступает во множество контактов, некоторые из которых очень непродолжительны, но вместе с тем значимы. У него нет времени углубляться, детализировать информацию о каждом человеке. В этом случае он использует визуальные характеристики, которые воспринимает и оценивает. Для современного межличностного общения свойственна «модуляризация». В общении, отмечает А. Тоффлер, каждый человек имеет дело не с полным набором качеств нескольких людей, а личностными модулями многих, вместо того, чтобы быть захваченным человеком полностью, мы вникаем только в модуль его личностных качеств [14, с. 73-74].

Подавляющая часть наших социальных связей утилитарна, их возникновение и содержание функционально. Жизнь современного человека эмоционально обеднена, что способствует выработке различных механизмов компенсации. Так как общество с помощью системы социальных ролей ограничивает поведение человека, заставляя людей вести себя предельно сдержанно, чтобы не проявить своё содержание через внешнее поведение, люди стали бояться открытого самовыражения в обществе. «Условия, в каких они это делают, – считает Р. Сеннет, – всё-таки оставляют выражение на дистанции от их собственной личности; они не самовыражаются, а, скорее, проявляют выразительность» [12, с. 303]. Поэтому распространённый образ современного человека – это образ актёра, меняющего маски на общей сцене публичного пространства.

В современном мире Сеть стала мощнейшим средством для ликвидации «эмоциональной бедности». Важную роль сыграло то, что в виртуальности человек почти полностью выключается из суевы реальной жизни. В сети Интернет можно стать адресатом электронного сообщения под особым виртуальным именем, любого возраста и пола. Сеть Интернет снимает фиксированные этнические, государственные, социально-статусные ограничения, превращая коммуникацию в общение «воображаемых» образов-масок. Войдя в чат, человек оставляет за экраном монитора большую часть своих социальных ролей. Это значит, что исчезает детерминированность поведения. Человек делает не то, что должен, а то, что хочет, по сути, он свободен в реализации своих желаний. Даже назвавшись в «приватности» своим реальным именем, человек остаётся не больше чем образом, «строчками на экране монитора». От реального человека остаются только мысли, эмоции и т. п. в меру особенностей переданные в полном виде. Осуществляя коммуникацию в виртуальном пространстве, авторы и адресанты своих посланий предстают под разнообразными масками. Каждый встреченный человек в Сети – это изначально в силу неизвестного и таинственного *маска*. Неизвестное же всегда притягивает. Очень значимо и такое следствие анонимности, как отсутствие ответственности. Случайность встреч, а также всегда существующая возможность в любой момент прервать связь и навсегда исчезнуть в не имеющей границ Сети позволяет людям вести себя несколько иначе, чем в реальной, несетевой жизни.

Выводы. Таким образом, в современной культуре феномен маски проявляет себя и в области реальной и в области виртуальной коммуникации. Маска, направляя коммуникацию, даёт человеку свободу выбора своего Я, свободу представления себя Другим.

Лицо-маска в межличностной коммуникации как знак невербальной сферы общения может иметь значение защиты своей субъективности, может использоваться для усиления выразительности индивидуального с целью создания у других благоприятного впечатления о себе или коррекции неблагоприятного. Это позволяет отмечать в подобных отношениях игровой, театральный характер.

Анализ коммуникативного пространства Интернета показал, что Интернет открывает для человека возможность в электронном alter ego постоянно моделировать свой «образ», «менять маски», а виртуальная коммуникация – это пространство для апробации разнообразных стратегий межличностного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / З.Бауман; [пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева]. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. Высекков П. В. Я в дискурсе виртуальности: [электронный ресурс] / П. В. Высекков. – Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/w/wysewkw_p_w/paul20072.shtml.
3. Гьосле В. Діалектика стратегічної та комунікативної раціональностей // Гьосле В. Практична філософія в сучасному світі / Вітторіо Гьосле; [пер. з нім., примітки та післямова Анатолія Єрмоленка]. – Київ: Лібра, 2003. – С. 68-97.
4. Зиммель Г. Из «Экскурса о социологии чувств» / Г. Зиммель // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 43. – С. 5-14.
5. Кастельс М. Интернет-галактика. Міркування щодо Інтернету, бізнесу і суспільства. / М. Кастельс; [пер. з англ.]. – К.: Ваклер, 2007. – 304 с.
6. Кобо А. Чужое лицо: [роман] // Кобо А. Женщина в песках. Чужое лицо: [романы] / Абэ Кобо; [пер. с япон. В. Гривнина]. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 159-341.
7. Кон И. С. В поисках себя: Личность и её самопознание / И. С. Кон. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
8. Кузин И. В. Маски субъекта: Стратегии социальной идентификации / И.В. Кузин. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – 312 с.
9. Левинас Э. Тотальность и бесконечность // Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечность / Э. Левинас; [пер. И. С. Вдовиной]. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 66-291.
10. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. – Т. 2 / Ф. Ницше; [пер. Н. Полилова; сост., ред., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна]. – М.: Мысль, 1990. – С. 238-406.
11. Пятигорский А. М. Персонологическая классификация как семиотическая проблема / А. М. Пятигорский, Б. А. Успенский // Учёные записки Тартуского государственного университета. – Вып. 181. Труды по знаковым системам, III. – Тарту: Тартуский государственный университет, 1965. – С. 7-29.
12. Сеннет Р. Падение публичного человека / Р. Сеннет; [пер. с англ. О. Исаева, Е. Рудницкая, Вл. Софронов, К. Чухрукидзе]. – М.: Логос, 2002. – 424 с.
13. Сероштан С. И. Лицо-маска как выражающая поверхность / С. И. Сероштан // Вісник Національного технічного університету «Харківський політехнічний інститут». Збірник наукових праць. Тематичний випуск: Філософія. – Харків: НТУ «ХПІ». – 2006. – № 29. – С. 96-103.
14. Тоффлер А. Футуршок / А. Тоффлер. – СПб.: Лань, 1997. – 464 с.
15. Фрейденберг О. М. Миф и театр. Лекции / О. М. Фрейденберг. – М.: ГИТИС, 1988. – 132 с.
16. Шюц А. Структури життєсвіту / А. Шюц, Т. Лукман. – К.: Український Центр духовної культури, 2004. – 560 с.

УДК 1:572.1/316

*Корабльова В. М.
Національна академія внутрішніх справ (м. Київ)*

**ТРАНСФОРМАЦІЇ ТІЛЕСНОГО ЛАНДШАФТУ: ТІЛО-АВАТАР, ТІЛО-ІНТЕРФЕЙС
І ШИЗОСУБ'ЄКТ**

Розглядаються сучасні модули людської тілесності, обумовлені віртуалізацією суспільства та позначені як тіло-аватар і тіло-інтерфейс. Доводиться, що шизоїзація (пост)сучасного суб'єкта призводить до ускладнень тілесної самоідентифікації, провокуючи зсув від внутрішнього, сутнісного, до зовнішнього, репрезентаційного. Обґрунтовується, що переписування «карти тіла» за допомогою сучасних технологій призводить до інструменталізації та відчуження в тілесному самоосягненні індивіда.

Ключові слова: тілесний ландшафт, карта тіла, аватаризація, тіло-інтерфейс, шизосуб'єкт.